
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Д. В. ГРОМОВ

«МОРАЛЬНАЯ ПАНИКА» КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ РЯДА МОЛОДЕЖНЫХ СООБ- ЩЕСТВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И РОССИИ

Статья посвящена возникновению в Советском Союзе и России в 1970–2010-х годах «моральных паник» (термин С. Коена). Предпринимавшиеся меры борьбы с молодежными сообществами фактически способствовали их росту и качественному изменению. Ведущую роль в данном процессе играли средства массовой информации.

Ключевые слова: молодежь, молодежные сообщества, «моральные паники», общественные фобии, средства массовой информации.

Анализ социальных процессов, происходящих в различных молодежных сообществах, позволяет выделить определенные закономерности возникновения, развития и исчезновения этих сообществ. Одним из феноменов, влияющих на формирование молодежных объединений, являются *моральные паники*, тесно связанные с таким важным фактором современного общества, как средства массовой информации (СМИ). Термин «моральные паники» введен в оборот социологом С. Коеном (Cohen 1972). По Коену, средства массовой информации способны вызывать «моральные паники» – общественные фобии, боязнь тех или иных социальных угроз. При этом различным социальным группам, несущим (или якобы несущим) угрозу, может придаваться гипертрофированно негативное значение – в общественном сознании они становятся, по выражению Коена, «народными бесами». «Моральные паники» имеют и механизм обратного действия – они не только пугают общество «народными бесами», но и создают им рекламу, обеспечивая приток в разрекламированные сообщества новых участников. Именно в СМИ часто создается канон субкультурного об-

Историческая психология и социология истории 1/2012 164–178

разца, которому затем следуют неофиты. «Особая роль принадлежит масс-медиа в определении и формировании социальных проблем. Медиа выступают агентом морального возмущения (нравственного негодования), даже если они сами этого не сознают, их способ предоставления определенных фактов может быть достаточен для возникновения определенного негодования, беспокойства или паники. Когда подобные чувства накладываются на общественные ощущения того, что некоторые ценности нуждаются в защите, существуют реальные условия для создания новых социальных правил или определения социальной проблемы <...> Масс-медиа... могут создавать определенные социальные проблемы быстро и драматично... Внимание журналистов, репортеров и фотографов может стимулировать новые действия молодежи» (Коен 2000: 167).

Механизм возникновения и «раскрутки» молодежного сообщества действует следующим образом:

- 1) появляется относительно малочисленная молодежная группа;
- 2) средства массовой информации освещают деятельность этого сообщества, причем благодаря отбору и структурированию информации аморфная и разношерстная группа приобретает четко обрисованные, конкретизированные, канонизированные черты;
- 3) наложившись на общественные настроения (в том числе общественные фобии), информация СМИ служит причиной возникновения собственно «моральной паники» – неадекватно высокого внимания общества к данной группе (вернее, к ее мифологизированному образу);
- 4) широкие слои молодежи, получив информацию через СМИ, активно подключаются к деятельности сообщества, в качестве образца для подражания получая образы, канонизированные СМИ.

Такой механизм неоднократно использовался в ходе развития многих молодежных сообществ Советского Союза и позднее России.

В доперестроечные времена распространение «моральных паник» ограничивалось отсутствием гласности – СМИ просто игнорировали существование неформальных молодежных объединений. При этом молодые люди, нуждавшиеся в информации о современных молодежных веяниях, жадно впитывали крупицы, просачивавшиеся через сито строгой цензуры. Так, писатель В. Киршин вспоминает, что в начале 1970-х годов на документальный фильм «Спорт, спорт, спорт» ходили «ради пяти секунд нью-йоркских небоскребов, двух секунд загорающего на крыше автомобиля хиппи

и живых “битлов” – вообще мельком... Мы ходили на “Спорт...” не по разу. В нужном месте мы напряжинивались, чтобы схватить и развернуть точку, чтобы домыслить и вообразить иную жизнь» (Киришин 2002). Информация, получаемая из таких, мягко говоря, усеченных источников, использовалась как руководство к действию. Например, самопальные советские рок-музыканты 1970-х годов старательно воспроизводили позы, в которых на фотографиях были запечатлены западные исполнители. Благодатная почва для распространения «молодежной» информации существовала, но бездействие СМИ делало его невозможным.

Одним из каналов распространения сведений о молодежных сообществах в Советском Союзе были сети партийной, комсомольской, пионерской и профсоюзной организаций. Так, «моральная паника», связанная с появлением в Советском Союзе неонацистских групп, была спровоцирована в апреле 1982 года. На тот момент в стране сформировались крайне немногочисленные и экстравагантные молодежные группы поклонников гитлеризма (Вести... 1982; Громов 2006; Цыганов 2007). 20 апреля 1979 и 1981 годов, в день рождения А. Гитлера, проходили выступления небольших групп неонацистов на Пушкинской площади в Москве. 20 апреля 1982 года такое выступление тоже ожидалось. Это событие прошло бы незамеченным, но оно было предварено активной разъяснительной работой, проводившейся в школах, ПТУ и техникумах: молодых людей предупреждали, чтобы они не вздумали ездить на Пушкинскую площадь в назначенный день. Конечно, этот нелепый инструктаж дал противоположный эффект. Во-первых, о предстоящем выступлении узнали широкие слои молодежи. Во-вторых, они восприняли указания учителей и комсомольских работников с точностью до наоборот – отправлялись на место сбора неонацистов: кто разогнать их, кто просто полюбопытствовать. Всплески уличной антифашистской активности, часто не имевшие под собой реальной причины, наблюдались и в других городах Советского Союза. События на Пушкинской (и аналогичные им) вызывали волны слухов. Психологической причиной «моральной паники» в данном случае была крайняя неприязнь советских людей к фашизму. Появление юнцов, принявших чуждую фашистскую символику, вызывало возмущение и требовало возмездия, а соответствующая информация нагнетала возмущение.

Если в советские времена распространение знаний о субкультурах затруднялось отсутствием гласности, то с началом пере-

стройки СМИ стали охотно их подхватывать. Так, «в 1986 г. в телепередаче “Взгляд” вышел специально подготовленный материал против движения хиппи, который готовился исходя из норм западной субкультуры хиппи. В результате более поздних исследований было установлено, что через “железный занавес” в СССР просочилась только внешняя атрибутика хиппи, общие лозунги и некоторые этические нормы. Местное движение хиппи не имело такой нормы поведения, как потребление наркотиков. Наркомания была распространена не более, чем в других слоях молодежи. В результате указанной телепередачи численность хиппи в Ленинграде увеличилась в три раза в течение незначительного времени. Кроме того, ориентированная телепередачей на потребление наркотиков как обязательную составляющую субкультуры хиппи, вновь приходящая в хиппи молодежь уже старалась потреблять наркотики. Так незнание отечественной субкультуры хиппи привело к печальным последствиям» (Канаян и др. 2004).

Нам кажется, авторы процитированной работы значительно преувеличивают значение передачи «Взгляд» в распространении в СССР хиппизма. В действительности оно было связано с перестроечным ростом молодежной «неформальности»: по данным Института социологии АН СССР, на конец 1980-х годов количество активных неформалов составило 10–13 % от общего числа молодежи (Хотченкова 1991: 4). Однако здесь важна не точность экспертной оценки, а указание на новый, ранее в советском обществе не существовавший механизм трансляции информации о молодежных субкультурах – через СМИ. Канаян с соавторами справедливо отмечают одну из методологических ошибок, которые СМИ делали тогда и делают сейчас: «Общепринятым правилом описания молодежных субкультур в России становится использование описаний западных вариантов данной субкультуры как их первоисточника. При этом, как правило, не учитывается ряд весьма важных факторов, в частности, на практике образование субкультуры в России может привести к частичному перенесению элементов субкультуры. Кроме того, носителем новой субкультуры может стать подростково-молодежное сообщество, имеющее собственную субкультуру. Нередко от западного образца остается только внешняя атрибутика и собственно название» (Канаян и др. 2004). К молодежным субкультурам, чьи образцы скопированы с Запада, описатели часто подходят без учета их местной специфики (например, у советских хиппи 1980-х в отличие от западных был силен интерес к христи-

анству). Такой непрофессиональный подход ведет к тиражированию ошибочных представлений и может повлиять на развитие субкультуры (в частности, придать ей негативные черты).

Описанный механизм представляет собой достаточно мягкую форму создания «моральной паники». О нагнетании общественной напряженности, связанной с молодежью, в том числе о стихийном появлении целых неформальных течений свидетельствует, например, возникновение движения люберов (Громов 2006). В годы перестройки так называли юношей (преимущественно из подмосковного города Люберцы), активно занимавшихся силовыми видами спорта и нападавших на молодых людей, которые, по их мнению, вели себя недостойно, «позорили советский образ жизни». До конца 1986 года данная субкультура была невелика – в Люберцах (как и во многих других городах Подмосковья) действительно существовали уличные компании, которые увлекались спортом и совершали увеселительные поездки в Москву; некоторая часть этих молодых людей (по нашим оценкам, около трети) связывала данные поездки с «борьбой за идею». Движение постепенно набирало силу, но мощнейший толчок его развитию дали именно публикации в прессе, особенно в журнале «Огонек» (Яковлев 1987) и еженедельнике «Собеседник» (Куприянов 1987). Эти статьи вывели субкультуру на новый уровень: прежние молодежные группы, объединенные лишь общей деятельностью и символикой, с зимы 1986–1987 годов стали «общественно признанным» неформальным движением с канонизированным через прессу самоназванием, специфичной деятельностью, гимном, эмблемой. Для части подростков и юношей (прежде всего уличной молодежи) статьи послужили инструкцией к действию. Так, в «Огоньке» была описана «униформа» люберов: широкие клетчатые брюки, куртки, кепки, белые рубашки и узкие черные галстуки. И действительно, одетая таким образом молодежь вскоре (именно *после* публикаций) появилась на улицах в большом количестве. Повысилась массовость выездов в Москву; если некоторые активные «любера» старшего возраста называли максимальной численность групп в 150 человек, то милицейская сводка от 14 февраля 1987 года зафиксировала группу около 600 человек (Хотченкова 1991: 255). Еще больший интерес стал проявляться к культуризму. Сформировался слой молодежи, которая не занималась собственно «люберской» деятельностью, но старательно копировала внешние субкультурные символы.

Мощный всплеск субкультуры люберов был обусловлен целым рядом социальных явлений, среди которых и общественные фобии тех лет. Так, одной из причин возникновения «моральной паники» было ожидание «красного реванша», реставрации советского тоталитаризма с жесткими репрессиями против тех, кто успел проявить себя за годы перестройки. Особенно сильным этот страх был в крупных городах, в частности в Москве, где перестроечные процессы вообще были более заметны и значимы. Ожидая возвращения старых порядков, ожидали и появления социальной группы, которая эти порядки будет насаждать; на место таких «красных боевиков» прочили люберов.

Субкультурой, вызвавшей в обществе «моральную панику», в начале 2000-х годов стали скинхеды. Численность этой субкультуры на протяжении ее существования заметно колебалась: то увеличивалась, то уменьшалась (Беликов 2002).

«Резкий взлет численности скинов, создавших дворовые тусовки, привел к утрате контроля за вновь возникшими группами ядра движения. Основным источником информации для новичков становятся СМИ. Именно в этот период <...> появляются массовые, сильно эмоциональные, гиперболизированные и во многом истеричные материалы о скинах. К примеру, массовость “фашистских маршей” в день рождения Гитлера появилась после подобного рода публикаций: уже после произведенных задержаний молодые скинхеды поясняли, что мысль об участии в подобных “маршах” или расистских акциях в этот день у них появилась после прочтения газетных статей о том, “какое поведение народ ожидает от скинхедов”. Таким образом, воплотился в жизнь один из виртуальных кошмаров, который без СМИ вполне мог выглядеть значительно слабей» (Канаян и др. 2004).

Социолог Т. Б. Щепанская, отвечая на наши вопросы (февраль 2006 года), отметила, что петербургские ученые, занимающиеся проблемами молодежных сообществ, настоятельно советуют не упоминать о фактах использования скинхедами колющего и режущего оружия. Ношение этих видов оружия, утверждала наша собеседница, нетипично для данной субкультуры, и «подсказки» СМИ могут сделать поведение скинхедов более экстремальным и общественно опасным.

Ярким примером паники, связанной со скинхедами, стали события в Белгороде 20 апреля 2007 года. По ошибочной информации, поступившей в милицию, в город для празднования дня рож-

дения Гитлера якобы должно было приехать большое количество скинхедов. Это породило волну чудовищных слухов. «И даже несколько дней спустя, уже после официальных разъяснений, что никакие “скины” в Белгород вообще не приезжали, погромов не устраивали, – народ продолжал пересказывать друг другу невероятные “сведения”. Специально сохранил несколько сообщений тех дней из интернет-дневников белгородцев. Вот что 24 апреля писала девушка – так, словно рассказывала о реальных событиях: “Да уж, у нас весь город на ушах стоит из-за скинов. Говорят, в общей сложности человек 20 погибли. Но менты не бездействовали: когда скины приезжали на вокзал в Белгород, их сразу же по машинам садили или назад отправляли...”. Верхом фантастики стали рассказы о жертвах, повешенных прямо на статуе князя Владимира! Если учесть, что мимо памятника ежеминутно проезжают десятки машин, он весь на виду, впору задать вопрос: какой мир представляется нам более реальным – тот, что есть вокруг, или тот, который живет в нашем воображении?.. “Скины” – становятся для мирного обывателя таким же персонажем страшилок, как и маньяки» (Битюгин 2007).

События в Белгороде показывают, насколько общественное мнение склонно к созданию паник, связанных с молодежными субкультурами экстремистского типа. Информация из СМИ может служить серьезным фактором для развития напряженности. Аналогичные паники, вызванные ожиданием «набега фашистов», только за последние 10 лет возникали в Улан-Удэ (2002), Удмуртии (2006), Нижнем Новгороде (2008). При этом известно, что, например, информация о приезде фашистов в г. Глазов (Удмуртия) первоначально появилась на местном новостном сайте.

Один из всплесков интереса СМИ к проблеме скинхедов наблюдался весной 2006 года, после того как в стране произошло несколько нашумевших преступлений на национальной почве. Большинство публикаций создавало образ brutальных парней, несущих опасность обществу и способных объединиться в мощное фашистское движение. В очередной раз воспроизводились романтизированные представления, привлекательные для молодежи определенного типа. В то же время явно недоставало информации, которая могла бы удержать подростков от вступления в скинхеды. Например, не сообщалось, что по сравнению с началом 2000-х значительно ужесточилось отношение к скинхедам милиции и органов правосудия – теперь принадлежность к этой субкультуре считается

серьезным отягчающим обстоятельством при совершении преступлений.

То же касается освещения субкультуры готов. СМИ тиражируют и провоцируют к воспроизводству такие нетипичные, но «жареные» факты из «жизни» готов, как вандализм на кладбищах, гомо- и бисексуализм, тяга к сатанизму и оккультным практикам (Канаян и др. 2004; Гущин и др. 2005).

П. А. Мейлахс в качестве «моральной паники» рассматривает процессы, связанные с распространением наркотиков в России: «Часто удивляются, почему в молодежных субкультурах так распространено употребление наркотиков. Никакого секрета тут нет – загоняя наркотики в глубокое подполье, делая из тех, кто употребляет наркотики, изгоев, противостоящих всему обществу, общество тем самым делает из них “революционеров”, таким образом рекрутируя в их ряды всех тех, кто хочет казаться “независимым” и “крутым”... Если бы общество подходило к употреблению наркотиков, особенно тяжелых, не с праведной яростью, а с некоторой снисходительностью, состраданием, и, может быть, даже с некоторой долей безгливости, как это сегодня происходит в некоторых либеральных западных странах, ситуация изменилась бы к лучшему» (Мейлахс 2004). Многие положения, высказываемые данным автором в этой и других работах, представляются нам спорными. Однако в целом очевидно, что распространение в молодежной среде моды на наркотики также укладывается в сценарии «моральной паники».

«Моральные паники» часто сопровождалась еще одной, «остаточной», информационной волной – в обществе складывалось мнение, что «паника» *спровоцирована некой силой* для получения политических дивидендов. Так, по утверждению С. А. Чарного, к фашистской манифестации 1982 года на Пушкинской площади «приложил руку КГБ... Нацистов просто использовали в качестве пугала для населения, высказывавшего заметное недовольство ухудшавшимися условиями жизни... Кроме того, что демонстранты сыграли роль пугала, выступление нацистов стало предлогом для общего ужесточения контроля над негосударственными молодежными организациями. Прежде всего это позволило “навести порядок” в спорте, а точнее – в восточных единоборствах... Затем удары партийных идеологов и спецслужб обрушились на неугодную музыку, когда ряд групп были объявлены фашистскими» (Чарный 2004: 77–78).

Как показали наши опросы, многие до сих пор считают, что движение люберов было организовано КГБ. Как правило, говорят, что юношей-культуристов собирались использовать в качестве штурмовиков для подавления инакомыслия. Исчезновение люберов некоторые также связывают с кознями спецслужб – эксперимент с созданием агрессивной и управляемой молодежной массы якобы не удался.

По мнению В. Лихачева, именно спецслужбами было спровоцировано появление и разрушение националистической организации «Русское национальное единство» (РНЕ): в необходимые моменты (например, в октябре 1993 года) она была призвана «играть роль пугала»; когда лидер РНЕ А. П. Баркашов стал проявлять самостоятельность, организация была постепенно разрушена, маргинализована (Лихачев 2002: 49–50).

Обсуждения темы «Кто всем этим руководит?» постоянно ведутся вокруг современных молодежных политизированных организаций разного толка. Упомянем хотя бы слухи о том, что некоторые оппозиционные сообщества спонсируются из-за рубежа опальными российскими олигархами (Мухин 2006: 51 и др.).

О развитии наркотизма в России Мейлахс пишет: «Сплошь и рядом приходится слышать, что административные органы не заинтересованы в снижении наркотизма, потому что вместе с этим будут снижены их административные ресурсы, силовые структуры также в этом не заинтересованы, поскольку от этого зависит их финансирование, а врачам-специалистам наркотики нужны для оправдания их деятельности и заполнения нужного (а по возможности растущего) числа больничных коек» (Мейлахс 2004).

Наконец, множество слухов касается скинхедов: достаточно часто высказывается мнение, что их экстремистская деятельность раздувается, с тем чтобы обвинить в экстремизме и подвергнуть репрессиям оппозиционные политические организации. Так, после паники, возникшей 20 апреля 2007 года в Белгороде, в местной прессе отмечалось, что «легенды» про бритоголовых могут нарочно запускаться в массы с вполне конкретными политическими целями (Битюгин 2007).

Еще один мотив, часто встречающийся в сообщениях о молодежных группах экстремистской направленности, – указание на то, что в эти группы входят сыновья высокопоставленных чиновников, «шишек»; утверждение, что именно блат, могущественное покровительство позволяют юным экстремистам уйти от наказания.

Подобные разговоры имели место в начале 1980-х годов в связи с выступлениями неонацистов. Возникли они и весной 2004 года в связи с нашедшим убийством скинхедами в Санкт-Петербурге таджикской девочки. Как оказалось впоследствии, слухи не соответствовали действительности (Stogoff 2008: 172–173).

Мы не задаемся вопросом о том, насколько реальна основа суждений и слухов о тайных руководителях и покровителях молодежных группировок. Важно, что эти мотивы становятся частью устной мифологии и встраиваются как дополнительные элементы в процессы возникновения и циркуляции «моральных паник».

На наш взгляд, восприятие различных молодежных групп как предвестников катастрофических социальных перемен является частным случаем устойчивых представлений об «эсхатологическом народе», приход которого якобы должен знаменовать собой наступление конца света (Громов 2004).

В последние годы в рассматриваемом явлении произошли серьезные изменения. Если раньше молодежные сообщества были *объектами* «моральных паник», то теперь они все чаще оказываются их *субъектами*. Иначе говоря, создание «моральной паники» становится инструментом, при помощи которого та или иная группа может «раскрутить» себя. Причем эта раскрутка осуществляется не спонтанно (как, скажем, в 1980-х годах), а вполне осознанно (Перекрест 2007; Роль... б. г.). Например, в одной из журналистских публикаций приводится высказывание лидера одной из ультраправых партий: «Теперь тяжелые времена – прорвать информационную блокаду трудно. Одна надежда на скинов: они – ходячая сенсация» (Супрычева 2008).

Пожалуй, наиболее ярко стремление к самораскрутке просматривается в деятельности молодежных политических объединений, построенной на непрерывной саморекламе и желании «произвести хорошее впечатление». С середины 1990-х годов, когда возникли молодежные оппозиционные движения, уличные акции (за исключением разве что некоторых акций «прямого действия», связанных с нарушением закона) стали проводиться в присутствии журналистов, особенно важным считалось наличие телекамер. О некоторых партиях с иронией говорили, что «когда телекамеры не приезжают – акции отменяются» (Лошак 2005).

В 1990–2000-х годах возникла целая культура уличной самопрезентации, уличного «театра» молодежной политики – сформировались стили одежды и поведения, возник фольклор (Громов

2008). Молодежные группы через СМИ транслировали свои действия на широкие массы читателей, зрителей, слушателей. По мнению экспертов, самораскрутка через яркие перформансы и хеппенинги в большей степени свойственна малочисленным группам, не имеющим в достаточном количестве других ресурсов для самопрезентации.

Стимулирование через СМИ «моральных паник» стало мощным средством политического воздействия. Интересны материалы конкурса на лучший сценарий революции, организованного газетой «Лимонка» в конце 1990-х годов. В сценариях, предложенных на конкурс, в качестве одного из рычагов воздействия на общество упоминаются СМИ, причем речь идет не столько об объективном освещении ими тех или иных ситуаций, сколько о провокациях, подаче заведомо ложной, сфабрикованной информации. Как подчеркивал Э. В. Лимонов, «СМИ сегодня как объекты внимания восставших значат много более, чем почта, вокзал и телеграф, вместе взятые, во времена Ленина» (Лимонов 1998).

На качественно новый уровень «уличный театр» молодежной политики вышел в конце 2004 – начале 2005 годов. «Оранжевая революция» на Украине продемонстрировала, насколько действенной политической силой может оказаться молодежное движение. Организатором и спонсором украинских событий стали политические силы, заинтересованные в достижении своих геополитических целей (Кордонский 2005). Как отмечают аналитики, в России в те годы начался своеобразный тендер на проведение местной «оранжевой революции». Иначе говоря, оппозиционные организации стали рекламировать себя с целью привлечения иностранных инвестиций: «Когда на рынке есть заказ, то появляется и предложение. Это правило, бесспорно, работает и в приложении к политической сфере... Так, в России в начале 2005 года возникло множество маленьких, но гордых организаций, позиционирующих себя как преемницы “Поры” и “Кмары”, а чаще просто захватывающих громкие имена с надеждой использовать уже раскрученные бренды. Они много пишут о себе на форумах и блогах в Интернете, используют приемы дешевого пиара, чтобы информация о том, что такие движения все-таки есть, дошла наконец-то до покупателя. На самом деле эти псевдопредложения очень похожи на готовые предприятия. Чтобы заказчику не пришлось самому проходить муторные процедуры, ему продают фирму под ключ. Так же и здесь – название придумано, имеется целых три, а иногда даже четыре (!!!) чле-

на организации, позиционирование выбрано... Наличие таких молодежных объединений говорит отнюдь не о росте протеста среди юных поколений, а о том, что на рынке политтехнологий намечается или уже ведется какая-то игра, в которой этим организациям-однодневкам отведена своя, обычно незавидная, роль. Чаще такие движения создают молодые люди 20–23 лет, либо студенты, либо не имеющие работы» (Данилин 2006: 64–65).

Стимулировать «моральные паники» могут и организации глубоко экстремистской направленности. Примером служит деятельность раскрытой в Санкт-Петербурге весной 2006 года подпольной террористической организации, совершившей ряд громких преступлений на межнациональной почве (Беликов 2008; Стогофф 2008). При этом «группировка успешно пиарила свои идеи на всю страну... Члены группировки анализировали публикации и телесюжеты. Заметив, что журналисты имеют склонность любое, даже мельчайшее преступление против иностранцев трактовать как фашистское и поднимать по этому поводу большой шум, с какого-то момента экстремисты начали работать четко под СМИ, выдвинув идею “сверхновостей”. Им важны были не столько сами убийства, сколько реакция на них в обществе. Отсюда все эти нарисованные свастики на прикладах и убийства, приуроченные к событиям и датам – например, ко дню рождения губернатора Петербурга. Члены БТО очень радовались, наблюдая, как запущенный ими маховик ненависти раскручивают в различных ток-шоу, как в эту игру постепенно включаются влиятельные силы за рубежом, как сюжеты про “питерский нацизм” выходят на первые полосы западных газет и транслируются в “Евроньюс”. Дестабилизирующий террор приносил свои результаты!» (Сидоров 2006).

Планировались террористические акты и в момент, наиболее удобный для создания общественного резонанса, – в дни саммита Большой восьмерки в Санкт-Петербурге (июль 2006 года). В результате небольшой группе молодых людей удалось вызвать общественную панику, страх перед угрозой экстремизма. (Кстати, в связи с этой паникой были возбуждены уголовные дела и против некоторых деятелей оппозиции; если бы не повысилась общественная тревожность по поводу угрозы терроризма, правоохранительные органы, скорее всего, не дали бы делам хода).

В современном обществе не иссякает основной ресурс возникновения «моральных паник» – разнообразные общественные фобии, связанные с молодежными сообществами. Идеи о саморас-

крутке того или иного человека или группы путем создания «моральной паники», что называется, витают в воздухе. По данным опроса, проведенного Московской консультационной группой (Быков 2004), 41,7 % россиян считают, что в современной России можно прославиться с помощью скандала, а 17,9 % – что с помощью конфликта с властью (это тоже форма скандала). И только 13,9 % считают, что можно прославиться талантом, а 2,6 % – подвигом. Результаты опроса показывают, что в общественном сознании самореклама через создание «моральной паники» (желание «прославиться с помощью скандала») стала нормой – массы ждут такого поведения, а желающие имеют возможность воспользоваться данным социально-психологическим механизмом.

«Моральные паники» – эффективный инструмент общественного манипулирования. Небольшая группа активных людей, грамотно воздействуя на средства массовой информации, способна создавать своими действиями значительный общественный резонанс. «Способность СМИ быть эффективным средством формирования общественного климата давно подмечена, оценена и максимально используется людьми, пытающимися решать проблемы своих политических, экономических, национальных, религиозных, социальных и иных целей» (Сериков 2005: 206). Это манипулирование основано на общественных фобиях. «Страх, а также методы его стимулирования и распространения становятся одним из ведущих и даже определяющих социально-психологических и технологических компонентов избирательных кампаний» (Цыганов 2007: 78).

И общество, и особенно СМИ должны понимать природу «моральных паник» как социально-психологического явления и по возможности противодействовать их возникновению. Такое понимание постепенно появляется; на наш взгляд, происходит некоторое снижение ажиотажности публикаций, связанных с молодежной тематикой...

Литература

- Беликов, С. В.**
2002. *Бритоголовые: все о скинхедах. Эксклюзивные материалы*. М.: Независимое издательство «Пик».
2008. *Наци-боевики*. М.: Академия.
- Битюгин, К.** 2007. Страхи «каменного зоопарка». *Смена* [газета, Белгород]. 6 октября.

Быков, Д. 2004. С дырой нашего времени. *Огонек* 26: 12–14.

Вести из СССР. Права человека / под ред. К. Любарского. Мюнхен – Брюссель, 1982. 18: 3.

Гущин, В. А., Черепенчук, И. С., Лустберг, А. Э., Курза, Л. П. 2005. *Готы. Анализ субкультуры и движения в Санкт-Петербурге. Август 2005 года*. URL: <http://gothsgoths.narod.ru>

Громов, Д. В.

2004. Образ «эсхатологического нашествия» в восточнославянских поверьях в древности и современности. *Этнографическое обозрение* 5: 20–42.

2006. Люберецкие уличные молодежные компании 1980-х годов: субкультура на перепутье истории. *Этнографическое обозрение* 4: 23–38.

2008. Уличный театр молодежной политики: оппозиционные движения. *Этнографическое обозрение* 1: 19–30.

Данилин, П. 2006. *Новая молодежная политика. 2003–2005*. М.: Европа.

Канаян, В. А., Гущин, В. А., Лустберг, А. Э., Курза, Л. П. 2004. О взаимосвязи исследования молодежных субкультур и организации профилактики возможного делинквентного поведения молодежи. *Тезисы выступлений участников Всероссийской конференции «Инновационные подходы к профилактике асоциальных явлений в молодежной среде» (СПб., 23–24 декабря 2004)*. URL: <http://gothsgoths.narod.ru>

Киршин, В. 2002. Очерки частной жизни пермяков. *Уральская новь* 13. URL: <http://magazines.russ.ru/urnov/2002/13/kir.html>

Коен, С. 2000. Народные бесы и моральные паники: возникновение модов и рокеров. В: Омельченко, Е., *Молодежные культуры и субкультуры*. М.: Ин-т социологии РАН; Ульяновск: НИЦ «Регион», с. 166–168.

Кордонский, М. 2005. *Как делаются молодежные революции: Путч грантоедов*. URL: <http://www.kreml.org/opinions/87340042>

Куприянов, А. 1987. Люберцы – при свете фонарей. *Собеседник* 7 (156): 10–15.

Лимонов, Э. В. 1998. *Анатомия героя*. Смоленск: Русич. URL: www.nbp-info.ru

Лихачев, В. 2002. *Нацизм в России*. М.: Панорама.

Лошак, А. 2005. Партии зеленых. *Огонек* 41: 32.

Мейлахс, П. А. 2004. Четвертая мировая война или очередная моральная паника? *Нева* 1: 168–176.

Мухин, А. 2006. *Поколение 2008: наши и не наши*. М.: Алгоритм.

Перекрест, В. 2007. Чемодан, вокзал, «Биг-Бен». *Известия*. 22 июня.

Роль СМИ в военно-политических конфликтах современности [Б. г.].
URL: <http://psyfactor.org/smi.htm>

Сериков, А. В. 2005. Профилактика политического экстремизма молодежи. *Социально-гуманитарные знания* 4: 198–207.

Сидоров, П. 2006. Бешеные псы Петербурга. *Московский комсомолец*. 2 июня.

Stogoff, И. 2008. *Skinheads: История одной банды*. СПб.: Амфора.

Супрычева, Е. 2008. Как я пыталась стать скинхедом. *Комсомольская правда*. 29 февраля.

Хотченкова, Ю. М. (ред.) 1991. *По неписаным законам улицы...* М.: Юридическая литература.

Цыганов, В. 2007. Электоральный медиа-терроризм. *Свободная мысль* 12: 73–81.

Чарный, С. А. 2004. Нацистские группы в СССР в 1950–1980-е годы. *Неприкосновенный запас* 5(37): 71–78.

Яковлев, В. 1987. Контора «люберов». *Огонек* 5: 20–21.

Cohen, S. 1972. *Folk Devils and Moral Panics. The creation of the Mods and Rockers*. Oxford.